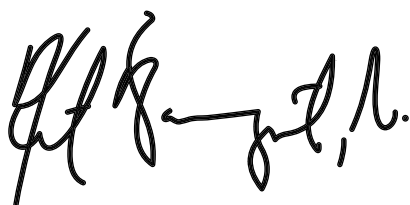

Курт Воннегут

б и б л и о т е к а к л а с с и к и

Курт Воннегут

Колыбель для кошки
Сирены Титана

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «Библиотека классики»

Kurt Vonnegut

CAT'S CRADLE
THE SIRENS OF TITAN

Перевод с английского *Р. Райт-Ковалевой* («Колыбель для кошки») и *М. Ковалевой* («Сирены Титана»)

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Wylie Agency (UK) Ltd.

Воннегут, Курт.

В73 Колыбель для кошки ; Сирены Титана : [романы] / Курт Воннегут ; [перевод с английского М. Ковалевой, Р. Райт-Ковалевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 512 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-132983-9

«Колыбель для кошки»

Послушайте — когда-то, две жены тому назад, двести пятьдесят тысяч сигарет тому назад, три тысячи литров спиртного тому назад... Тогда, когда все были молоды... Послушайте — мир вращался, богатые изнывали от глупости и скуки, бедным оставалось одно — быть свободными и умными. Правда была неправдоподобнее всякого вымысла. Женщины были злы и красивы, а мужчины — несчастны и полны глупых надежд. И крутилась, крутилась жизнь, запутывалась все сильнее — как дикая, странная игра под названием «КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ КОШКИ»...

«Сирены Титана»

Если ваш мир несвободен по определению... Если ваша жизнь повинуете математическим расчетам... Если унижение стало нормой, а хруст людских костей под колесами государственной машины уже просто никто не слышит из-за его обыденности... А что такое это «если»? Антиутопия — или «общество процветания»? Каждый решает для себя сам, раб он — или свободный человек!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut, 1959, 1963
© Copyright renewed by Kurt Vonnegut, Jr., 1991, 1987
© Перевод. М. Ковалева, наследники, 2020
© Перевод. Р. Райт-Ковалева, наследники, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

ISBN 978-5-17-132983-9

Колыбель для кошки

*Кеннету Литтауэру,
человеку смелому и благородному*

Нет в этой книге правды, но «эта правда — фома, и от нее ты станешь добрым и храбрым, здоровым и счастливым».

*«Книги Боконона» 1:5
«Безобидная ложь — фома»*

Глава 1

День, когда настал конец света

Можете звать меня Ионой. Родители меня так назвали, вернее, чуть не назвали. Они меня назвали Джоном.

Иона-Джон — будь я Сэмом, я все равно был бы Ионой, и не потому, что мне всегда сопутствовало несчастье, а потому, что меня неизменно куда-то заносило* — в определенные места, в определенное время, кто или что — не знаю. Возникал повод, предоставлялись средства передвижения — и самые обычные и весьма странные. И точно по плану, именно в назначенную секунду, в назначенном месте появлялся сей Иона.

Послушайте.

Когда я был помоложе — две жены тому назад, 250 тысяч сигарет тому назад, три тысячи литров спиртного тому назад...

Словом, когда я был гораздо моложе, я начал собирать материалы для книги под названием День, когда настал конец света.

Книга была задумана документальная.

Была она задумана как отчет о том, что делали выдающиеся американцы в тот день, когда сбросили первую атомную бомбу на Хиросиму в Японии.

Эта книга была задумана как книга христианская. Тогда я был христианином.

Теперь я боконист.

* О пророке Ионе — см. Книга пророка Ионы, Ветхий Завет. — *Примеч. пер.*

Я бы и тогда стал боконистом, если бы кто-нибудь преподавал мне кисло-сладкую ложь Боконона. Но о боконизме никто не знал за пределами песчаных берегов и коралловых рифов, окружавших крошечный остров в Карибском море — Республику Сан-Лоренцо.

Мы, боконисты, веруем в то, что человечество разбито на группы, которые выполняют Божью волю, не ведая, что творят. Боконон называет такую группу карасс — и в мой личный карасс меня привел мой так называемый канкан, — и этим канканом была моя книга, та недописанная книга, которую я хотел назвать День, когда настал конец света.

Глава 2

Хорошо. хорошо. Это очень хорошо

«Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека, без особых на то причин, — пишет Боконон, — этот человек скорее всего член вашего карасса».

И в другом месте, в Книгах Боконона, сказано: «Человек создал шахматную доску. Бог создал карасс». Этим он хочет сказать, что для карасса не существует ни национальных, ни ведомственных, ни профессиональных, ни семейных, ни классовых преград.

Он лишен определенной формы, как амеба.

Пятьдесят третье калипсо, написанное для нас Боконном, поется так:

И пьянчужки в парке,
Лорды и кухарки,
Джефферсоновский шофер
И китайский зубодер,
Дети, женщины, мужчины —
Винтики одной машины.

Все живем мы на Земле.
Варимся в одном котле.
Хорошо, хорошо,
Это очень хорошо*.

Глава 3

Глупость

Боконон нигде не предостерегает вас против людей, пытающихся обнаружить границы своего карасса и разгадать промысел Божий. Боконон просто указывает, что такие поиски довести до конца невозможно.

В автобиографической части Книг Боконона он приводит притчу о глупости всякой попытки что-то открыть, что-то понять:

«Когда-то в Ньюпорте, Род-Айленд, я знал одну даму епископального вероисповедания, которая попросила меня спроектировать и построить конуру для ее датского дога. Дама считала, что прекрасно понимает и Бога, и пути Господни. Она никак не могла понять, почему люди с недоумением смотрят в прошлое и в будущее.

И однако, когда я показал ей чертеж конуры, которую я собирался построить, она мне сказала:

— Извините, я в чертежах не разбираюсь.

— Отдайте мужу или духовнику, пусть передадут Богу, — сказал я, — и если Бог найдет свободную минутку, я не сомневаюсь — он вам так растолкует мой проект конуры, что даже вы поймете.

Она меня выгнала. Но я ее никогда не забуду. Она верила, что Бог гораздо больше любит владельцев яхт, чем владельцев простых моторок. Она видеть не могла червяков. Как увидит червяка, так и завизжит.

Она была глупа, и я глупец, и всякий, кто думает, что

* Переводы «калипсо» здесь и далее — М. Ковалевой.

ему понятны дела рук Господних, тоже глуп». (Так пишет Боконон.)

Глава 4

Попытка поискать пути

Как бы то ни было, я собираюсь рассказать в этой книге как можно больше о членах моего карасса и попутно выяснить по непреложным данным, что мы все, скопом, натворили.

Я вовсе не собираюсь сделать из этой книги трактат в защиту боконизма. Однако я, как боконист, хотел бы сделать одно предупреждение. Первая фраза в Книгах Боконона читается так:

«Все истины, которые я хочу вам изложить, — бесстыдная ложь».

Я же, как боконист, предупреждаю:

Тот, кто не поймет, как можно основать полезную религию на лжи, не поймет и эту книжку.

Быть по сему.

А теперь — о моем карассе.

В него, конечно, входят трое детей доктора Феликса Хониккера, одного из так называемых «отцов» атомной бомбы. Сам доктор Хониккер, безусловно, был членом моего карасса, хотя он умер, прежде чем мои синуусики, то есть выюнки моей жизни, переплелись с жизнями его детей.

Первый из его наследников, кого коснулись усики моих синуусиков, был Ньютон Хониккер, младший из двух сыновей. Я узнал из бюллетеня моей корпорации «Дельта-эпсилон», что Ньютон Хониккер, сын лауреата Нобелевской премии физика Феликса Хониккера, был принят кандидатом в члены моей корпорации при университете Корнелл.

И я написал Ньюту следующее письмо:

«Дорогой мистер Хониккер. (Может быть, следует написать: «Дорогой собрат Хониккер»?)

Я, член корпорации Корнелла «Дельта-эпсилон», сейчас зарабатываю на жизнь литературным трудом. В данное время собираю материал для книги о первой атомной бомбе. В книге я коснусь только событий, имевших место 6 августа 1945 года, то есть в тот день, когда была сброшена бомба на Хиросиму.

Так как всеми признано, что ваш покойный отец — один из создателей атомной бомбы, я был бы очень благодарен за любые сообщения о том, как прошел в доме вашего отца день, когда была сброшена бомба.

К сожалению, должен сознаться, что знаю о вашем прославленном семействе куда меньше, чем следовало бы, так что мне неизвестно, есть ли у вас братья и сестры. Но если они у вас есть, мне очень хотелось бы получить их адреса, чтобы и к ним обратиться с той же просьбой.

Я понимаю, что вы были совсем маленьким, когда сбросили бомбу, но тем лучше. В своей книге я хочу подчеркнуть главным образом не техническую сторону вопроса, а отношение людей к этому событию, так что воспоминания «младенца», если разрешите так вас назвать, органически войдут в книгу.

О стиле и форме не беспокойтесь. Предоставьте это мне. Дайте мне просто голый скелет ваших воспоминаний.

Разумеется, перед публикацией я вам пришлю окончательный вариант на утверждение.

С братским приветом...»

Глава 5

Письмо от студента-медика

Вот что ответил Ньют:

«Простите, что так долго не отвечал. Вы как будто задумали очень интересную книгу. Но я был так мал, когда

сбросили бомбу, что вряд ли смогу вам помочь. Вам надо обратиться к моим брату и сестре — они много старше меня. Мою сестру зовут миссис Гэрисон С.К.Коннерс, 4918 Норт Меридиен-стрит, Индианаполис, штат Индиана. Сейчас это и мой домашний адрес. Думаю, что она охотно вам поможет. Никто не знает, где мой брат Фрэнк. Он исчез сразу после похорон отца два года назад, и с тех пор о нем ничего не известно. Возможно, что его и нет в живых.

Мне было всего шесть лет, когда сбросили атомную бомбу на Хиросиму, так что я вспоминаю этот день главным образом по рассказам других.

Помню, как я играл на ковре в гостиной, около кабинета отца. На нем были пижама и купальный халат. Он курил сигару. Он крутил в руках веревочку. В тот день отец не пошел в лабораторию и просидел дома в пижаме до вечера. Он оставался дома когда хотел.

Как вам, вероятно, известно, отец всю свою жизнь проработал в научно-исследовательской лаборатории Всеобщей сталелитейной компании в Илиуме. Когда был выдвинут Манхэттенский проект, проект атомной бомбы, отец отказался уехать из Илиума. Он заявил, что вообще не станет работать над этим, если ему не разрешат работать там, где он хочет. Почти всегда он работал дома. Единственное место, кроме Илиума, куда он любил уезжать, была наша дача на мысе Код. Там, на мысе Код, он и умер. Умер он в сочельник. Но вам, наверно, и это известно.

Во всяком случае, в тот день, когда сбросили бомбу, я играл на ковре около отцовского кабинета. Сестра Анджела рассказывает, что я часами играл с заводными грузовичками, приговаривая: «Бип-бип-трррр-трррр...» Наверно, я и в тот день, когда сбросили бомбу, гудел: «Тррр», а отец сидел у себя в кабинете и играл с веревочкой.

Случайно я знаю, откуда он взял эту веревочку. Может быть, для вашей книги и это пригодится. Отец снял

эту веревочку с рукописи — один человек прислал ему свой роман из тюрьмы. Роман описывал конец света в 2000 году. Он назывался: «Ад 2000»*. Там описывалось, как психопаты-ученые сделали чудовищную бомбу, стершую все с лица земли. Когда люди узнали, что скоро конец света, они устроили чудовищную оргию, а потом, за десять секунд до взрыва, появился сам Иисус Христос. Автора звали Марвин Шарп Холдернесс, и в письме, приложенном к роману, он писал отцу, что попал в тюрьму за убийство своего родного брата. Рукопись он прислал отцу, потому что не мог придумать, каким взрывчатым веществом начинить свою бомбу. Он просил отца что-нибудь ему подсказать.

Не подумайте, что я читал эту рукопись, когда мне было шесть лет. Она валялась у нас дома много лет. Мой брат Фрэнк пристроил ее у себя в комнате в «стенном сейфе», как он говорил. На самом деле никакого сейфа у него не было, а был старый дымоход с жестяной вьюшкой. Сто тысяч раз мы с Фрэнком еще мальчишками читали описание оргии. Рукопись лежала у нас много-много лет, но потом моя сестра Анджела нашла ее. Она все прочла, сказала, что это дрянь, сплошная мерзость, просто гадость. И она сожгла рукопись вместе с веревочкой. Анджела была нам с Фрэнком матерью, потому что родная наша мать умерла, когда я родился.

Я уверен, что отец так и не прочитал эту книжку. По-моему, он и вообще за всю свою жизнь не прочел ни одного романа, даже ни одного рассказика, разве что в раннем детстве. Он никогда не читал ни писем, ни газет, ни журналов. Вероятно, он читал много научной литературы, но, по правде говоря, я никогда не видел отца за чтением.

Из всей той бандероли ему пригодилась только веревочка. Он всегда был такой. Невозможно было предуга-

* Те. 2000 год после Рождества Христова. — *Примеч. пер.*

дать, что его заинтересует. В день, когда сбросили бомбу, его заинтересовала веревочка.

Читали ли вы речь, которую он произнес при вручении ему Нобелевской премии? Вот она вся целиком: «Леди и джентльмены! Я стою тут, перед вами, потому что всю жизнь я озирался по сторонам, как восьмилетний мальчишка весенним днем по дороге в школу. Я могу остановиться перед чем угодно, посмотреть, подумать, а иногда чему-то научиться. Я очень счастливый человек. Благодарю вас».

Словом, отец играл с веревочкой, а потом стал переплетать ее пальцами. И сплел такую штуку, которая называется «колыбель для кошки». Не знаю, где отец научился играть с веревочкой. Может быть, у своего отца. Понимаете, его отец был портным, так что в доме, когда отец был маленьким, всегда валялись нитки и тесьмки.

До того как отец сплел «кошкину колыбель», я ни разу не видел, чтобы он, как говорится, во что-то играл. Ему неинтересны были всякие забавы, игры, всякие правила, кем-то выдуманные. Среди вырезок, которые собирала моя сестра Анджела, была заметка из журнала «Тайм». Отца спросили, в какие игры он играет для отдыха, и он ответил: «Зачем мне играть в выдуманные игры, когда на свете так много настоящей игры».

Должно быть, он сам удивился, когда нечаянно сплел из веревочки «кошкину колыбель», а может быть, это напомнило ему детство. Он вдруг вышел из своего кабинета и сделал то, чего раньше никогда не делал, он попытался поиграть со мной. До этого он не только со мной никогда не играл, он почти со мной и не разговаривал.

А тут он опустил на колени около меня на ковер и оскалил зубы, и завертел у меня перед глазами пленку из веревочки. «Видал? Видал? Видал? — спросил он. — Кошкина колыбель. Видишь кошкину колыбель? Видишь, где спит котенок? Мяу! Мяу!»

Поры на его коже казались огромными, как кратеры на луне. Уши и ноздри заросли волосом. От него несло сигарным дымом, как из врат ада. Ничего безобразнее, чем мой отец вблизи, я в жизни не видал. Мне и теперь он часто снится.

И вдруг он запел: «Спи, котенок, усни, угомон тебя возьми. Придет серенький волчок, схватит киску за бочок, серый волк придет, колыбелька упадет».

Я заревел. Я вскочил и со всех ног бросился вон из дому.

Придется кончать. Уже третий час ночи. Мой сосед по комнате проснулся и жалуется, что машинка очень гремит.

Глава 6

Война жуков

Ньют дописал письмо на следующее утро. Вот что он написал:

«Утро. Пишу дальше, свежий как огурчик после восьмичасового сна. В нашем общежитии сейчас тишина. Все на лекциях, кроме меня. Я — личность привилегированная. Мне на лекции ходить не надо. На прошлой неделе меня исключили. Я был медиком-первокурсником. Исключили меня правильно. Доктор из меня вышел бы препаршивый.

Кончу это письмо и, наверно, схожу в кино. А если выглянет солнце, пойду погуляю вдоль обрыва. Красивые тут обрывы, верно? В этом году с одного из них бросились две девочки, держась за руки. Они не попали в ту корпорацию, куда хотели. Хотели они попасть в «Три-Дельта».

Однако вернемся к августу 1945 года. Моя сестра Анджела много раз говорила мне, что я очень обидел отца в тот день, когда не захотел полюбоваться «кошкиной колыбелью», не захотел посидеть на ковре и послушать,